

__Часы на подвеске
Patek Philippe,
золото, эмаль,
середина 1970-х

__Часы на подвеске
Piaget, золото,
бриллианты, эмаль,
перламутр, опал,
1975

__Часы на подвеске
в форме раковины,
золото, эмаль,
жемчуг, Швейцария,
1820

__Великий визирь
Ахмед Кёпрюлю:
наводил страх
на Вену, но потерпел
поражение

__Султан **Магомет II**
положил конец
тысячелетней
Византийской
империи

__Настольные часы
Omega, позолота,
эмаль, начало 1970-х

А тут готовый герой, который знает с десятков языков, который слывет отчаянно любознательным (римские папы даже надеялись обратить его в католицизм) и вдобавок выглядит воплощением спартанской боевой доблести. Популярное предание утверждало, что, услышав ропот своей гвардии, недовольной тем, что султан слишком увлекся молодой наложницей (мол, нас на бабу променял), султан публично ее прирезал со словами «пусть не отвлекает меня от моей славы». А в XVI веке европейцы получили еще одного обаятельного врага, султана Сулеймана, которого называли Великолепным не только его подданные. Тоже ужас христиан, но притом бесстрашный воин, разумный правитель, мудрый законодатель, поэт, искусный ювелир, да в придачу совсем не по-дикарски чувствительный в сердечных делах человек: историю его страсти к прекрасной Роксолане с самыми цветистыми подробностями долго пересказывали по всей Европе в лубочных книжках и галантных романах, в ярмарочных балаганах и в дворцовых театрах. Где-то к середине XVII века, когда оттремела Тридцатилетняя война и стало понятно, что и в отношении к ужасным оттоманам очень даже возможен не только животный страх, но и практичный язык реальной политики, демонизация турок постепенно начала сменяться робким любопытством. То, что потихоньку пытались заимствовать или хотя бы коллекционировать, все еще ассоциировалось, правда, с дикостью и боевым натиском — янычарское оружие, кривые сабли, причудливые доспехи, украшенные чеканными цитатами из Корана. Но в самом османском государстве обозначился надлом: съев Левант, Северную Африку и Балканы, Турецкая империя, казалось, слабела и дряхла не по возрасту. Судьбу султанского трона решали гаремные интриги и янычарские мятежи, за войны с европейцами отвечала мелькавшая чиновная сволочь, для которой, как с негодованием писал один из исследователей, своевременная поставка снега для шербета была важнее, чем положение армии и флота.

Великий визирь Ахмед Кёпрюлю, выходец из семьи албанских христиан, смог на пару десятилетий вновь сдвинуть европейский имидж Османской империи в сторону страха, но после разгрома под Веной в 1683 году Турция уже неуклонно начала превращаться в «больного человека Европы». «Стамбул отрекся от пророка; / В нем правду древнего Востока / Лукавый Запад омрачил — / Стамбул для сладостей порока / Мольбе и сабле изменил». Эти строки годятся и к куда более раннему времени, чем пушкинское: для людей XVIII столетия при слове «турецкий» представляются в первую очередь не ужасы битв и не боевой авангард ислама, а некие условные картины ближневосточного быта вообще, лениво-фаталистичного и порядком сладострастного (а как же, гаремы, гурии — Коран и сказки 1001 ночи были уже переведены). Если в нем находится место воинственности, то она не пугает, а развлекает. Этот быт не столько дик, сколько забавен, яростен, роскошен и пикантен одновременно. Так что одно из самых полных выражений европейской «тюркери» — какое-нибудь фантазмагорическое празднество в ориентальном духе, одно из тех, которые так любили устраивать в Галантную эпоху короли и князья: диковинно разодетые придворные вкушают сказочные лакомства в шатрах из турецких и персидских тканей под бряцание оружия наряженной янычарами дворцовой стражи. И, конечно, под звуки «варварских» оркестров. Мы уже не отдаем себе в этом отчета, но большой барабан, тарелки, треугольник — все эти инструменты появились в европейской музыке именно как подражание османам. А звякающая штукавина в виде огромной лиры, которой потрясает тамбурмажор, возглавляющий проходящие парадом, скажем, по Красной площади военные оркестры, — она по прямой происходит от бунчуков, которые носили перед османскими пашами в качестве штандарта. Уже в 1670 году в «Мещанине во дворянстве» Мольера Журдена посвящали в мамануши под специально написанный Жаном-Батистом Люлли «Марш для